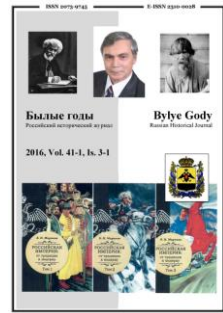

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 41-1, Is. 3-1, pp. 944-954, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)

The Modernization Concept as an Integrative Framework for the Methodology of Studying Topical Issues in Russian History

Yuri N. Smirnov^{a, *}

^a Samara National Research University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to a number of methodological and concrete historical questions raised in the monograph by Boris Mironov, “The Russian Empire: From Tradition to Modernity.” The monograph is based on the modernization concept. The variety of methods and techniques borrowed by the author from different scientific disciplines and schools, but which demonstrate their usefulness, provide a reason to call his approach “integrative.” Smirnov shares Mironov’s perspective on the possibility of determining the laws of Russia’s historical path, and on the positive prospects for Russia’s movement upon it. Particular attention is paid to how Mironov examines and interprets the course of Russian colonization, its influence on the internal processes in society in general, and on the fate of specific regions and the ethnic groups. In Mironov’s opinion, the inclusion of new lands in Russia has had generally beneficial effects for the country as a whole and for the people who inhabit it. Smirnov engages in a thought experiment in order to assess in how far Mironov’s conclusions are applicable to the southeast of Russia. The results prove the validity of the conclusions and their applicability to research of other colonized territories. The reviewer recognizes as valid the opinion that the economic reserves of serfdom had not been exhausted by the middle of the 19th century. The liberation of the peasants was caused by many factors, among which moral and cultural reasons were not in the last place. The imperial “Enlightened” bureaucracy became the leader of peasant and other reforms. The article expressed disagreement that the strengthening of the position of the nobility and their power over the peasants in the 18th century was determined by the decisive role of the guard in palace coups. Mironov’s book will stimulate new research and discussions on topical issues of Russian history.

Keywords: Russian Empire; modernization; colonization; expansion; serfdom; Russian guard; liberation of peasants; “Enlightened” bureaucracy; historiography; geopolitics.

Вся книга Б.Н. Миронова (Миронов, 2014; Миронов, 2015а; Миронов, 2015б) заслуживает внимательного отношения в целом и по отдельным главам. Есть в ней вопросы, которые вызывают прежде всего профессиональный интерес, касаются познавательного инструментария историка. Автор представил собственное видение современных методологических приемов и концепций. Не буду задерживать внимание на этой теме, интересной в первую очередь достаточно узкой, сугубо профессиональной аудитории. Только замечу, что солидарен с модернизационным подходом автора. Убедительно звучат многие приведенные им аргументы, а главное – этот подход продолжает лучшие традиции и достижения российских историков XIX–XX вв., пусть с разных позиций (гегельянских,

* Corresponding author

E-mail addresses: smirnov195503@yandex.ru (Yu.N. Smirnov)

позитивистских, марксистских), но искавших закономерности «большой истории» в нашем прошлом. Сам объем трехтомника, обширность его тематики, сведений и выводов доказывают плодотворность избранных теоретических основ. Пока ни один другой из вошедших за последнюю четверть века в моду подходов цивилизационного, постмодернистского или иного звучания не привел к подобным обобщающим результатам по крупному периоду российской истории. Никто с позиций иных теоретических установок не скажет, как наш автор: «Я пытаюсь создать, **насколько это под силу одному человеку** (выделено мной. – Ю. С.), всестороннюю непротиворечивую картину двухвекового развития России» (Миронов, 2014: 11). Хотя Б.Н. Миронов предпочитает называть свой подход «интеграционным», все равно очевидно, что в его основе лежит концепция модернизации (или, если хотите, один из вариантов таковой). За это говорит уже название труда, ведущего читателя «от традиции к модерну». Данная концепция сама по себе объединяет разнообразные методики и приемы. Она способна вбирать в себя плодотворные идеи мир-системного, формационного или любого иного понимания истории как объективного процесса.

Более высокую степень общественного интереса имеют вопросы о преимуществах имперского опыта в XX–XXI вв. или о причинах революции в России (Миронов, 2015b: 676–691, 713–718; Миронов, 2013). Здесь появляется повод для переживания явлений и событий, важных для национального самосознания. В отношении их также ограничусь констатацией очевидных для меня фактов, чтобы воздержаться от идейно-политической полемики, выходящей за профессиональные рамки. На одной из книг, подаренных мне автором, было пожелание: «Сильные должны быть оптимистами». Только по прочтении «Российской империи...», кажется, до конца понял его смысл. Российские историки должны сделать выбор между историческим оптимизмом и пессимизмом, обращенными не в будущее, как мы привыкли в обычной жизни, а опрокинутыми в прошлое. Мы живем в стране с нормальным ходом истории, несмотря на все ее драмы и трагедии, а значит, были «не хуже других» раньше и имеем все шансы быть на равных с успешными народами впредь? Или на нашей земле издавна устроен заповедник самых злых бед и несчастий, в котором и придется оставаться далее? Б.Н. Миронов дает однозначный ответ, по его словам оптимистический. Эта гражданская позиция, кстати, полностью коррелируется с теорией модернизации. Пусть в чем-то отстаем, пусть кого-то приходится догонять, но движемся по магистрали исторического развития. С позиций научной логики выводы, построенные на этом теоретическом основании, выглядят безупречно. С точки зрения идейных и политических симпатий могут, конечно, возникать сомнения, хотя лично у меня их нет. История России – история сильных людей, которые должны быть оптимистами, а значит, знать и свои достоинства, и слабости. Именно так надо подходить к опыту империи, ее удачных и ошибочных ответов на исторические вызовы или решать вопрос о причинах революции, возможности повторения исторических катаклизмов, их вероятной цене и приемлемости таких издержек. Согласен и с высказыванием, что «...оптимисты должны заняться *клиотерапией*» (Миронов, 2014: 18). Надо помочь нашему обществу избавиться от фобий по отношению к своему прошлому, которые неизбежно обращаются в страх перед будущим, в покорность, якобы изначально предопределенной для России незавидной судьбе, а то и в оправдание предательства.

Если высказываться по специальным проблемам, мне более близким, тогда есть смысл затронуть тему территориального расширения России, вопросы о причинах, природе, последствиях крепостного права в государственном масштабе и некоторые другие. По сравнению с «Социальной историей...» (Миронов, 2003) свой новый труд автор заметно расширил и переработал. Однако сам Б.Н. Миронов счел необходимым подчеркнуть наличие таких изменений, в частности в первой главе (Миронов, 2014: 12), которая в прежней работе называлась «Территориальная экспансия и ее последствия», а теперь стала звучать как «Колонизация и ее последствия». Судя по тому что в анонсе книги на личном сайте Б.Н. Миронова названием главы оставалась «Территориальная экспансия...», смена заголовка произошла на самом последнем этапе работы над книгой и, согласимся, стала правильным ходом. Действительно, в главе мало говорится про то, как шло завоевание, вхождение, обретение новых территорий. Больше размышлений о том, что происходило с ними в империи, что принесла на них империя, что империя получила от них. Надо оговориться, что термины «экспансия», «колонизация», «аннексия» в данном изложении утратили навязанный им однозначно негативный смысл, став синонимами в

целом нейтрально звучащих слов «расширение», «освоение», «присоединение». При желании взглянуть объективно на происходившее в прошлом ими уже можно пользоваться как определениями, а не жупелами. Нам понятна следующая установка, высказанная автором: «Порой экспансию просто невозможно отделить от колонизации, так как в XVI–XIX вв. на просторах Евразии четкие государственные границы нередко отсутствовали, да и многие народы государственности еще не знали. По нормам международного права того времени, земли, не являвшиеся территорией какого-либо государства и населенные людьми, жившими родоплеменным строем на стадии присваивающей экономики считались свободными» (Миронов, 2014: 77).

Казалось бы, что нет нужды вновь подтверждать тезис о том, что обретение Россией новых земель, особенно в ходе продвижения ее оседлого населения земель на юг и юго-восток Европы в течение XVI–XIX вв. было одним из важных явлений в развитии нашего государства. Однако в современной отечественной историографии проявилась тенденция ставить под сомнение объективно закономерный и прогрессивный характер освоения народами России этих и других окраин страны. Мне приходилось выслушивать критику своих, якобы устаревших теоретических позиций, которые сохранились со времен колониальных захватов огромных пространств от Волги до Тихого океана, за то, что еще продолжаю считать промыслово-сельскохозяйственное движение в эти края нормальным явлением и даже благом. Приверженцы, как они себя называют, «новой историографической культуры» (С.А. Маловичко и др.) упрекают тех представителей отечественной исторической школы, которых они называют «традиционалистами», в использовании архивных источников, созданных властными структурами колонизаторов. При этом кроме призывов использовать некие «предколониальные» способы хранения памяти о прошлом не предлагаются конкретные никакие иные источники за отсутствием таковых, никакие иные методы работы вместо кропотливого поиска сохранившихся документов и их анализа. Сами «новаторы» такую работу в архивах полезной не признают, за что их уже критиковали в литературе (Артамонова, 2013b: 230). Как можно предположить, они считают, что земли, которые давали и дают пристанище, кров, работу, средства существования, природные ресурсы, благополучие миллионам переселенцев и их сегодняшних потомков, которые необходимы для процветания России и развития человечества, должны были лежать все прошедшие столетия втуне, дожидаясь более цивилизованных культуртрегеров. Не тех ли, которые, уничтожив почти все население целых континентов или загнав покоренные народы в резервации и нищету, ныне спохватились, что на просторах Северной Евразии, внешне более суровых, чем облюбованные ими территории в теплых краях, есть черноземы, водные ресурсы, леса, нефть, газ и прочие богатства, им не доставшиеся?

Опасения, что я оказался среди историков, безнадежно отставших от прогресса в науке, к счастью, оказались преувеличенными. Очень радует тот факт, что Б.Н. Миронов, давно известный и как пионер отечественного использования современных количественных и качественных методик, пришедших из-за рубежа, и как носитель оригинальных концепций исторического развития и новаторских приемов исследования, не отказался от «традиционного» признания закономерности и положительных результатов колонизации. Более того, он вновь показывает примеры того, как можно использовать архивные и особенно массовые источники, не только не отвергая их по причине надуманной «неполиткорректности» происхождения, но и не забывая о критическом восприятии их сведений. Автор «Российской империи...» далек от того, чтобы представить южный и восточный векторы колонизационного движения россиян бурным потоком, сметающим по пути иные культуры, «равные» той, что несли с собой русские, украинские, немецкие, татарские, мордовские и другие переселенцы, уже веками жившие в условиях производящего хозяйства и государственности. Б.Н. Миронов констатирует, что они в основном осваивали «незаселенные земли Новороссии, Юго-Востока, Северного Кавказа и Сибири» (Миронов, 2014: 97).

За многие годы исследований мы, «оптимисты» и «традиционалисты», работая в центральных и местных архивах, занимаясь с опубликованными и устными источниками, составили достаточно глубокое представление о сложной динамике и пестром этническом составе переселенческого движения на окраины России. Обновленные и вновь введенные Б.Н. Мироновым материалы позволяют уточнить и расширить это представление. Согласимся с ним, что важными положительными следствиями имперской экспансии и

народной колонизации стало увеличение земельного фонда и степени его использования (особенно при продвижении в южном и юго-восточном направлении, где имелись более благоприятные условия для сельского хозяйства), взаимообогащение народов организационным, хозяйственным и культурным опытом друг друга (Миронов, 2014: 261, 263). Не отрицаются и негативные последствия этих процессов: привычка к экстенсивному развитию, задержки урбанизации, трудность коммуникаций, рост затрат на оборону, распыление средств, этнические проблемы. Однако в это число не входят, как мы видим, явления, присущие некоторым империям Запада и Востока, но не имевшие места в России, несмотря на попытки ей их приписать: геноцид, религиозные войны, расизм, воинствующий национализм титульного народа, государственная политика ассимиляции.

Автор ссылается на историков Башкирии, в том числе Б.Х. Юлдашбаева, показавших, что «мнение о депопуляции башкирского народа не соответствует фактам» (Миронов, 2014: 168). С середины XVIII до начала XX в. численность этого народа, ставшего одним из самых больших в империи, выросла со 150 тыс. до 1,7 млн чел. (Томашевская, 2002: 232). Как образно выразилась известная историк, этнолог и религиовед А.Б. Юнусова (дочь Б.Х. Юлдашбаева), башкиры стали ощущать себя «народом России, живущем в самом ее сердце», выйти из которой они могут «только в землю или в небо» (Юнусова, 2015).

Можно привести пример с народом другой языковой группы и конфессиональной принадлежности – мордвой. Его численность в имперский период выросла с 1719 по 1917 г. также в 11 раз (со 100 тыс. чел. до 1,1 млн чел. с лишним) – это несмотря на значительную ассимиляцию мордвы русскими. Следует согласиться с тезисом В.А. Юрченкова, что мордву следует считать «имперским народом». Основанием тому является не только ее численность и высокая степень рассеянности по территории страны, не только заметная роль представителей или потомков мордвы в формировании русского и других этносов. Надо учитывать также тяжесть имперского бремени, которое этот народ нес наряду с русскими, а также его самосознание, разделяющее с другими этносами гордость за имперское прошлое. Эти замечания и выводы об «имперских народах» в той же мере можно отнести и к другим жителям России, например татарам или украинцам (Юрченков, 2014: 148–150).

Можно было бы посоветовать, что Б.Н. Миронов уделил заселению и освоению Поволжья и Урала меньше внимания, чем Новороссии или Сибири. Возможно, преувеличиваю этот факт в силу собственных исследовательских предпочтений. Тем более не настаиваю на еще большем расширении представленного автором объемного труда. Просто напомню, что присоединение значительной части Заволжья и Приуралья к России, земледельческо-промысловое освоение региона пало также на имперский период. Более того, вопросы по этой территории, не раскрытые до конца в книге, позволяют поставить мысленный эксперимент. Вроде указания на свойства неоткрытого химического элемента, заранее известные благодаря знанию его места в периодической таблице, или определения «на кончике пера» местонахождения невидимой планеты по гравитационным возмущениям иных небесных тел.

В книге Б.Н. Миронова есть вполне работающая схема, выстроенная по наблюдениям, сделанным на материале разных имперских окраин. Ее основные положения сводятся к следующему. Главными причинами территориальной экспансии были геополитические, частично – экономические. Объективно стимулом к колонизации стало аграрное переселение, субъективно – «миграционная парадигма» российских крестьян: «Они колонизовали территории, не думая, в отличие от элиты, ни об империи, ни о цивилизаторской миссии – они всегда были в поисках земли, где жизнь во всех отношениях лучше» (Миронов, 2014: 105, 108).

По нашим наблюдениям оказывается, что к Заволжью и Приуралью эта схема также применима, причем очень наглядно. Присоединение и колонизация юго-восточной имперской окраины входили в число важных общегосударственных задач, реализовывались под управлением и контролем верховной власти, центральных правительственных учреждений, но при активном участии широких масс переселенцев в ходе настоящего народного движения. Именно здесь впервые геополитические планы России получили научное обоснование (Смирнов, 2012).

Проект видного ученого – картографа и статистика И.К. Кирилова, занимавшего пост обер-прокурора Сената, предусматривал продвижение российских интересов и рубежей в направлении Казахстана, Центральной Азии, Индии и привел к организации Оренбургской

экспедиции (комиссии), преобразованной в итоге в новую обширную Оренбургскую губернию империи. Однако стратагема Кирилова была шире и стала основой настоящего прорыва империи на север и восток Евразийского материка и северо-запад Американского. Ее тихоокеанская часть разрабатывалась совместно с мореплавателем В. Берингом, а сибирская – с географом и историком Г.Ф. Миллером, которые стали фактическими руководителями организованной одновременно с Оренбургской еще одной экспедиции, названной официально Второй Камчатской, но справедливо вошедшей в историю под именем Великой Северной. Оренбургская экспедиция, в деятельности которой принимали участие также видные пионеры российской науки В.Н. Татищев и П.И. Рычков, преследовала на континентальном азиатском направлении кроме политических торгово-экономические интересы России и российского купечества, в данном случае представленного прежде всего его мусульманской частью. Не случайно, что среди инициаторов и руководителей экспедиции вторым по значению лицом был российский разведчик и дипломат А.И. Тевкелев, ставший первым российским генералом среди последователей ислама (Арапов, 2002). Таким образом, на юго-восточном, дальневосточном и северо-восточном направлениях Российской империю расширяли, утверждали, осваивали не только православные славяне, но и протестанты западноевропейского и мусульмане тюркского происхождения.

В исторически короткий срок, начиная с первой трети XVIII до середины XIX в. практически безлюдные пространства юго-восточных территорий Европейской России превратились в развитый земледельческо-промысловый регион с многочисленным оседлым населением. В этом заслуга и волевой народной колонизации, и политики властей, которая в целом адекватно реагировала на перемены в ситуации на имперской окраине. Здесь создавались управленческие структуры, которые гибко адаптировались к изменяющейся ситуации. Их эволюция прошла путь от временных экспедиций и комиссий 1730-х гг. до создания в 1851 г. заволжской Самарской губернии, получившей статус «внутренней» губернии империи, одинаковый с издревле обжитыми землями центра России, и до преобразования на близкий к общеимперским образцам лад управления Оренбургской и Уфимской губерниями в 1865 г.

За 120 лет пройти путь от «Дикого поля» до территории, которую уже никто не ставил под сомнение как российскую, – большое достижение. Это могло произойти только в результате колонизационного движения. В связи с этим требует корректировки высказывание Б.Н. Миронова, что «широко распространенное мнение, согласно которому население России всегда было чрезвычайно мобильным, не соответствует действительности для периода с 1650 по 1858 г.» (Миронов, 2014: 100). Он исходил из посыла, что эту мобильность призвано было нейтрализовать крепостное право, особенно действенное на своем пике от Соборного Уложения 1649 г. до Реформы 1861 г. В реальности же самовольные переселения крепостничество, хотя и ограничило, но не только не остановило, а даже не лишило их массового характера.

Во-первых, в самовольных переселениях принимало участие значительное количество государственных и дворцовых (удельных) крестьян, на уход которых власти реагировали спокойно, лишь бы те на новом месте жительства продолжали платить подати. Крестьяне испытывали чувство благодарности к тем высокопоставленным чиновникам, ответственным за государственную казну, которые предоставляли переселенцам, оставшимся добросовестными налогоплательщиками, защиту от «обид» местной администрации, когда та пыталась жестко ограничить их поток, вернуть в места прежнего обитания и отобрать занятую самозахватом землю. Откуда в Заволжье и Приуралье взялись многочисленные Егоровки и Киселёвки? В честь них, крестьянских «заступников» и «благодетелей», министров Е.Ф. Канкрин и П.Д. Киселёва.

Во-вторых, были возможны вполне легальные способы закрепиться на новом месте жительства и беглым частновладельческим крепостным. В переписях многих новопоселенных деревень почти все жители часто показаны как «возвращенные из бегов». На самом деле это выражение обозначало фиксацию на новых местах осевших здесь беглецов двумя способами. В первом случае, обнаружив своих беглых в новых поселках, помещики старались оформить на себя земли (через покупку или пожалование), где те обосновались. Во втором, хозяева земель, пустившие беглых, задним числом оформляли сделки о купле-продаже или иной уступке крепостных с прежними владельцами, которые понимали всю разорительность и безнадежность доставки своих крепостных собственным

коштом в прежние селения. В обоих случаях крестьяне не протестовали, поскольку бежали не от абстрактного «крепостного права», а уходили от голода, малоземелья, с потерявших плодородие выпавших полей за Волгу, где оказывались на богатых черноземах с обширными сенокосами и пастбищами. Стихийная народная колонизация проявлялась в самых разных формах. Попытки четко отделить ее не только от правительственной, но даже от помещичьей оказываются малоуспешными.

В-третьих, был способ и для тех, кто не желал снова попасть в хозяйское ярмо. Надо было объявить себя не знающим своего происхождения и прежнего жительства. Если чиновникам не удавалось доказать обратного, такие попадали в особую категорию государственных крестьян – «не помнящих родства», у которых в Заволжье были целые слободы, свои выборные и даже депутаты в Уложенной комиссии Екатерины II. В 1746 г. Сенат распорядился всех «не помнящих родства», обнаруженных во время ревизии в различных частях России, отправлять на поселение в Оренбургскую губернию.

В-четвертых, и это, пожалуй, главное состоит в том, что российское самодержавие в лице своих верховных носителей, а также на уровне центральных и местных властей во многих случаях готово было идти на признание нарушений крепостного режима в массовом масштабе. В качестве подтверждения обозначим несколько эпизодов массовой легализации беглых и самовольных переселенцев в лесостепном и степном Заволжье.

В 1736 г. в ходе Оренбургской экспедиции (комиссии) создавалось новое казачье войско, названное со временем Оренбургским. Руководство экспедиции объявило и вело запись в него «охотников» поодиночке и целыми семьями без выяснения происхождения. Требования вернуть крепостных, ушедших в Заволжье от своих владельцев, игнорировались, а потом были официально отвергнуты в 1740 г. распоряжением оставить всех поверстанных в казаки на новом месте жительства и службы, понесшим убытки помещикам выдать квитанции в зачет рекрутского набора.

В 1762 г. было разрешено бежавшим в Речь Посполитую раскольникам вернуться в Россию и исповедовать старую веру. Для них предоставлялись земли по левобережному притоку Волги – Большому Иргизу. Уже в 1763 г. обнаружилось, что под видом реэмигрантов сюда в основном стекались беглые из внутренних губерний России. Тем не менее они были зачислены в дворцовое ведомство, а пострадавшим от их ухода помещикам опять выдавались квитанции в зачет рекрутских наборов. Здесь можно сделать уточнение к высказыванию Б.Н. Миронова о роли религиозного фактора в «идеологии колонизации» (Миронов, 2014: 108). В Степном Заволжье старообрядчество не столько привлекало к переселению единоверцев, сколько пыталось, используя благоприятную конъюнктуру, распространить свое влияние на массы людей, пришедших сюда по вполне земным причинам. «Миграционная парадигма», о которой говорит автор, к тому же была не только русской и имела не только христианские оттенки. В XVIII в. в Заволжье и Приуралье активно уходили мордва, чуваша, татары, в том числе из-за религиозных притеснений. Защита своей языческой и исламской «старины» тоже оказалась немаловажным фактором в переселении этих народов, хотя никогда не являлась основной причиной миграций, вопреки мнению некоторых историков, преувеличивающих этот аспект.

С конца XVIII в. оседание беглых на землю пресекалось. Однако для них служили прикрытием традиционные волжские промыслы, судовые работы, сезонный сельскохозяйственный найм, растущие города. Более предусмотрительные из них старались обзавестись требуемыми по закону документами, и изготовление фальшивых паспортов превратилось в настоящее ремесло. Обладая упорством и найдя покровителей, можно было не просто осесть в городе, а добиться житейского успеха. Показателен пример беглого крестьянина Ф.С. Плотникова. Став богатым купцом-хлеботорговцем, он в 1840–1850-х гг. трижды избирался городским головой Самары.

Случаи потачки беглым и нежелание по-настоящему расследовать их дела объяснялись не только круговой порукой горожан или корыстью местных чиновников, но и более глубокими причинами. Министр внутренних дел Л.А. Перовский в 1852 г. секретным распоряжением фактически упразднил паспортный контроль в Самаре за торговцами, транспортными и сельскохозяйственными рабочими. Ликвидация паспортного контроля демонтировала все правовое и полицейское обеспечение крепостного режима в Самарской губернии почти за 10 лет до отмены крепостного права в масштабе страны. Конечно, далеко не каждый беспаспортный был беглым, но среди полумиллиона человек, приходивших ежегодно без документов в Самару или следовавших через нее, как это число оценивал

Л.А. Перовский, таковых было явно немало. Да и те, кто не собирался в бега, могли уходить для торговли и заработков на Волгу без разрешения помещиков и властей.

Отказ в 1850-е гг. от сыска беглых и самовольно ушедших крестьян в крупном торговом городе и транспортном узле, несомненно, был вызван не только хозяйственным интересом. Он также отражал нарастание тех тенденций в социальных и культурных настроениях общества, которые вели к скорой уже отмене крепостного права. Столичная и губернская «просвещенная» бюрократия не только вынашивала планы реформ (Акульшин, 2000). Она уже приступала к конкретным действиям.

В итоге в проведенном мысленном эксперименте все оказалось соответствующим схеме, что составил Б.Н. Миронов, хотя та и была сконструирована практически без учета материалов по юго-восточному региону. Тем не менее и на этот регион, как выяснилось, она также без труда накладывается.

К сожалению, у автора встречаются отдельные ошибки по истории данного региона. Так, не понятно, почему Поволжье и Приуралье в одной из таблиц указаны в числе территорий, на которые до 1740 г. не было переселений (Миронов, 2014: 99). В высказывании об «эмиграции» из России в Джунгарию 200 тыс. калмыков после ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г. (Миронов, 2014: 106) переставлены причина и следствие. На самом деле сначала было трагическое для народа решение калмыцкой знати и духовенства об исходе и последовавшее бегство из России. После этого ханство, потерявшее подавляющее большинство населения, было упразднено. Отметим часто встречающееся, к сожалению, в литературе причисление нерусского населения рассматриваемых регионов к «ясачным инородцам», якобы платившим особый налог – «ясак» (Миронов, 2014: 398). На самом деле ясачные татары, чуваша, мордва и прочие (среди них были и русские) в XVIII–XIX вв. платили, как и все государственные крестьяне, подушную подать, оброчный сбор, несли рекрутскую и прочие повинности. Ясачными же они назывались по традиции с тех времен, когда существовало поземельное обложение, которое в коренной Руси меряли «сохами», а на Волге участки, с которых взимались подати, именовались «ясаками». Слова «черносошный» и «ясачный» (чаще писали «ясашный») по сути являются синонимами, один с русским, другой – с тюркским корнем.

Вслед за колонизацией следует остановиться детальней на теме крепостничества. Автор предлагает на новом витке развития исторического знания вернуться к «теории закрепощения сословий», включая дворянство и духовенство. Впрочем, в большинстве случаев Б.Н. Миронов говорит о крепостном праве в общепринятом значении. Поэтому в данном случае под крепостничеством будем иметь в виду ограничение прав и внеэкономическое принуждение низших общественных слоев, прежде всего крестьян со стороны государства, привилегированных землевладельцев и служилых людей.

Б.Н. Миронов прав, что мало среди историков тех, кто изучали крепостное право беспристрастно (Миронов, 2014: 15). Эту оговорку пришлось делать в том месте, где автор утверждает, что оно выполняло «важные функции для общества», а не было «только злом». Оговорка неизбежная, поскольку признание даже относительной пользы крепостничества остается действительно не очевидным. Понимая и принимая рациональные объяснения объективных причин зарождения и длительного существования крепостничества в России, его следует воспринимать как абсолютное нравственное зло, которое не могло перестать быть злом в общественных отношениях, политической жизни, экономике, даже когда принудительная мобилизация и подневольное напряжение сил могли приносить некоторый положительный эффект. Только цена была чрезмерна.

Объяснение «пользы», принесенной крепостничеством, автор возводит к С.М. Соловьеву: «В условиях отсталой сравнительно с западноевропейскими странами экономики лишь государственная эксплуатация населения могла дать государству необходимые средства. <...> Только всеобщее закрепощение могло в какой-то мере удержать население на месте, изъять у него финансовые средства и сохранить социальный порядок» (Миронов, 2015а: 30, 118). Б.Н. Миронов, кажется, не заметил, как солидаризовался с точкой зрения Л.В. Милова, критикуемого им за географический детерминизм (Миронов, 2014: 229). У того она также восходит к Соловьеву, а крепостное право отнесено к «компенсаторным механизмам», возмещавшим недостаток прибавочного продукта, получаемого в России. Зная, насколько трудно было в России найти рычаги, чтобы вовремя застопорить и выключить этот социально-правовой механизм, невольно задумываешься, а не являлось ли крепостное право изначально более опасной бедой, чем те проблемы, в

преодолении которых оно должно было помочь, выполняя тем самым «общественно значимую и позитивную функцию» (Миронов, 2015а: 15).

О цене материальной, выраженной через подати, повинности, потребительские стоимости, деньги, трудовые затраты, которыми крестьян заставляли поступаться в пользу землевладельцев и душевладельцев, можно спорить, определяя ее размеры. Эксплуатация в виде разных форм внеэкономического принуждения – неотъемлемая часть цивилизаций и государств на протяжении даже не веков, а тысячелетий. Насколько именно крепостничество в отличие от других форм экспроприации прибавочного продукта отягощало основную массу населения, препятствовало инициативе и прогрессу в народном хозяйстве, об этом идут и будут продолжаться серьезные дискуссии.

Цене моральной и этической крепостничества, культурным или социально-психологическим пагубам этого явления оправданий не находится вовсе. Крепостное право не только унижало зависимых людей, парализовало их активность и способности, оно развращало и само господствующее сословие.

Российский опыт относительно свободной социальной конкуренции и попыток налаживания социального партнерства оказался очень беден. Полвека пореформенного развития было недостаточно, чтобы россияне разных классов и состояний оказались готовы встретить национальной солидарностью, а не гражданским противостоянием вызовы XX в., когда самодержавие и бюрократия перестали справляться с ролью основного двигателя реформ и модернизации. Кто, как не Б.Н. Миронов знает и пишет об этом?

Напомним мудрое высказывание В.О. Ключевского о том, что на следующий день после Манифеста о вольности дворянства 18 февраля 1762 г. должна была быть отменена крепостная зависимость крестьян. Так и произошло, но с непростительной задержкой. Долгожданное 19 февраля наступило лишь в 1861 г., через 99 лет (Ключевский, 1989: 300). В деле социального развития и воспитания общественной зрелости Россия потеряла целый век. Конечно, это не был век застоя, но можно было добиться большего.

В поисках причин установления неоправданного «дворяновластия» Ключевский пошел, полагаю, неправильным путем. Однако он обладал таким авторитетом и даром убеждения, что создал в историографии «гвардейскую парадигму», согласно которой дворянская по составу гвардия в ходе дворцовых переворотов XVIII в. отстаивала интересы дворянства в целом и добилась для него исключительного привилегированного положения. Б.Н. Миронов находится полностью в русле этой парадигмы, считая, что именно гвардия в 1725–1762 гг. сыграла консолидирующую роль для дворянского сословия, что в ходе ее выступлений это сословие и осознало себя силой (Миронов, 2014: 343; Миронов, 2015а: 43). Однако данные полковых списков, других документов полковых архивов, да и опубликованные материалы свидетельствуют об ином. Гвардия в XVIII в. не была чисто дворянской по составу, в дворцовых переворотах являлась не застрельщиком, а инструментом борьбы придворных группировок за власть (Смирнов, 1989). Это была боевая часть регулярной армии, которая служила трону, империи, государству, а не подменяла их и не ослабляла в интересах отдельных социальных групп, как это бывало со стрельцами. Механизм утверждения «дворяновластия» был все-таки более сложным, чем представляет «гвардейская парадигма».

Оценки крепостного права после 1762 г., сделанные Б.Н. Мироновым, не вызывают возражений. Его позиция однозначно состоит в том, что после «освобождения дворянства от обязательной службы частновладельческое крепостное право утратило государственное и моральное оправдание» (Миронов, 2015а: 52). О вреде и язвах крепостного права как раз конца XVIII – первой половины XIX в. говорили и писали русские писатели, поэты, критики, публицисты, экономисты, философы, дальновидные общественные и государственные деятели.

Автор справедливо утверждает, что с экономической стороны резервы крепостничества не были исчерпаны и оно было отменено «в силу государственной и общественной потребности в модернизации и более глубоком усвоении европейских культурных, политических и социально-культурных стандартов» (Миронов, 2015а: 60). Б.Н. Миронов абсолютно прав, что в стране и обществе сложилась новая система ценностей, в которой уже не было места крепостному праву (Миронов, 2015а: 80). На переходе к Великой реформе сказались многие факторы: воздействие зарубежного общественного мнения и зарождение собственного, рождение классической русской литературы и перенос на ее страницы из-за отсутствия иных политических трибун социально значимых

«проклятых вопросов», 100 лет активной работы русских университетов и несколько десятилетий просветительских трудов общеобразовательных школ (Артамонова, 2013а). Как указывает автор, внеэкономическое принуждение встречало все большее сопротивление крестьян, осознававших свое достоинство, и стало выглядеть безнравственным по мере роста образовательного и культурного уровня помещиков (Миронов, 2015а: 78).

Считаю, что на рубеже 1850–1860-х гг. имперская «просвещенная» бюрократия сыграла самую блестящую партию в своей истории, показав себя главным на тот момент локомотивом российской модернизации, о чем неоднократно упоминает Б.Н. Миронов. Реформа вышла прагматичной, свободной от идеологического налета и подоплеки. Можно сказать, что ее делали с широко открытыми глазами, на которых не было ни розовых очков, ни черных повязок.

Без каких бы то ни было шор, т. е. в лучших традициях российской науки и общественной мысли проделал огромную работу и автор рецензируемой монографии. Следует выразить ему признательность и за новые решения актуальных вопросов российской истории, и за новые призывы к их обсуждению.

Литература

Акульшин, 2000 – Акульшин П.В. Просвещенная бюрократия Российской империи в дореформенную эпоху // Дискуссионные вопросы российской истории. Арзамас, 2000. С. 74–78.

Арапов, 2002 – Арапов Д.Ю. Первый русский генерал-мусульманин Кутлу-Мухамед Тевкелев // Сборник Русского исторического общества. М., 2002. Т. 5 (153). С. 32–37.

Артамонова, 2013а – Артамонова Л.М. Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII – первая половина XIX в.) // Российская история. 2013. № 2. С. 101–113.

Артамонова, 2013б – Артамонова Л.М. Рукописи Г.Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» – замечательные памятники «локальной» истории середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 5-1. С. 229–237.

Ключевский, 1989 – Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. IV // Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. 399 с.

Миронов, 2003 – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 566 с.

Миронов, 2013 – Миронов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2013. 336 с.

Миронов, 2014 – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. 896 с.

Миронов, 2015а – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 912 с.

Миронов, 2015б – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 992 с.

Смирнов, 1989 – Смирнов Ю.Н. Русская гвардия в XVIII веке. Куйбышев: КГУ, 1989. 80 с.

Смирнов, 2012 – Смирнов Ю.Н. Начало научного изучения в России восемнадцатого столетия проблем регионоведения и геополитики // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14, № 3. С. 171–175.

Томашевская, 2002 – Томашевская Н.Н. От социального пространства к социальному времени: Опыт этнической истории башкирского этноса в новое время. Уфа: Китап, 2002. 240 с.

Юнусова, 2015 – Юнусова А.Б. «Башкирского сепаратизма не существует»: Исламовед Айслу Юнусова о национальных и религиозных проблемах Башкортостана // Лента.ру. 2015. 23 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/06/23/bashkir> (дата обращения: 15.07.2016).

Юрченков, 2014 – Юрченков В.А. Мордовская история: курс лекций. Саранск: Шапкарин К., 2014. 276 с.

References

- Akul'shin, 2000** – *Akul'shin P.V.* Prosveshchennaya byurokratiya Rossiiskoi imperii v doreformennuyu epokhu [Enlightened bureaucracy of the Russian Empire in the pre-reform era] // *Diskussionnye voprosy rossiiskoi istorii* [Controversial issues of Russian history]. Arzamas, 2000, pp. 74–78 [in Russian].
- Arapov, 2002** – *Arapov D.Yu.* Pervyi russkii general-musul'manin Kutlu-Mukhamed Tevkelev [The first Russian Muslim general Kutlu-Mukhamed Tevkelev] // *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Russian historical society]. Moscow, 2002. T. 5 (153), pp. 32–37 [in Russian].
- Artamonova, 2013a** – *Artamonova L.M.* Politika v sfere narodnogo prosveshcheniya v Povolzh'e (XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Policy in the sphere of national education in the Volga Region (18th – the first half of the 19th centuries)] // *Rossiiskaya istoriya* [Russian history]. 2013. Nr 2, pp. 101–113 [in Russian].
- Artamonova, 2013b** – *Artamonova L.M.* Rukopisi G.N. Potanina “Zapiski o Samare” i “Dedushka iz Samary” – zamechatel'nye pamyatniki “lokal'noi” istorii serediny XIX veka [G.N. Potanin's manuscripts “Notes about Samara” and “The grandfather from Samara” – remarkable monuments of “local” history of the middle of the 19th century] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2013. T. 15, nr 5-1, pp. 229–237 [in Russian].
- Klyuchevski, 1989** – *Klyuchevski V.O.* Kurs russkoi istorii [The Course of Russian History]. Ch. IV // *Sochineniya* [Works]: 9 t. Moscow: Mysl', 1989. T. 4. 399 p.
- Mironov, 2003** – *Mironov B.N.* Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of the Russian Empire (the 18th – early 20th centuries): Genesis of personality, democratic family, civil society and lawful state]: 2 t. 3rd ed. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2003. T. 1. 548 p.; T. 2. 566 p. [in Russian].
- Mironov, 2013** – *Mironov B.N.* Strasti po revolyutsii: Nnavy v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii [The passion for the revolution: mores in the Russian historiography in the information age]. Moscow: Ves' mir, 2013. 336 p. [in Russian].
- Mironov, 2014** – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 1. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2014. 896 p. [in Russian].
- Mironov, 2015a** – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 2. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 912 p. [in Russian].
- Mironov, 2015b** – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 3. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 996 p. [in Russian].
- Smirnov, 1989** – *Smirnov Yu.N.* Russkaya gvardiya v XVII veke [Russian guard in the 17th century]. Kuibyshev: KGU, 1989. 80 p. [in Russian].
- Smirnov, 2012** – *Smirnov Yu.N.* Nachalo nauchnogo izucheniya v Rossii vosemnadtsatogo stoletiya problem regionovedeniya i geopolitiki [The beginning of scientific study in eighteenth century Russia the problems of area studies and geopolitics] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2012. T. 14, nr 3, pp. 171–175 [in Russian].
- Tomashevskaya, 2002** – *Tomashevskaya N.N.* Ot sotsial'nogo prostranstva k sotsial'nomu vremeni: Opyt etnicheskoi istorii bashkirkogo etnosa v Novoe vremya [From social space to social time: the Experience of ethnic history of Bashkir ethnos in the New time]. Ufa: Kitap, 2002. 240 p.
- Yunusova, 2015** – *Yunusova A.B.* “Bashkirkogo separatizma ne sushchestvuet”: Islamoved Aislu Yunusova o natsional'nykh i religioznykh problemakh Bashkortostana [“Bashkir separatism does not exist”: Islamic expert Ayslu Yunusova on national and religious issues of Bashkortostan] // *Lenta.ru*. 2015. June 23. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/06/23/bashkir> [in Russian].
- Yurchenkov, 2014** – *Yurchenkov V.A.* Mordovskaya istoriya: kurs lektsii [Mordovian History: lectures]. Saransk: Shapkarin K., 2014. 276 p. [in Russian].

УДК 94(47)

Модернизационная концепция как интеграционная основа для методологии изучения проблем российской историиЮрий Николаевич Смирнов^{a, *}^a Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена ряду методологических и конкретно-исторических вопросов, поднятых в монографии Б.Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну». Многообразие методов и приемов, заимствованных автором из разных научных дисциплин и школ, но показавших свою полезность, дают основание называть его подход «интегративным». Смирнов разделяет взгляд Миронова на возможность определения закономерностей исторического пути России и на оптимистические перспективы движения России по нему. Особое внимание обращено на то, как Миронов рассматривает и интерпретирует ход российской колонизации, ее влияние на внутренние процессы в обществе в целом, на судьбы отдельных регионов и этносов. По мнению Миронова, включение новых земель в состав России имело благотворные последствия для страны в целом и народов, ее населяющих. Чтобы оценить, насколько выводы Миронова применимы к юго-востоку России, Смирнов ставит мысленный эксперимент. Его результаты доказывают их достоверность и применимость к исследованию других колонизируемых территорий. Признается справедливым мнение, что экономические резервы крепостничества к середине XIX в. не были исчерпаны. Освобождение крестьян было вызвано многими факторами, среди которых моральные и культурные стояли не на последнем месте. Проводником крестьянской и других реформ стала имперская «просвещенная» бюрократия. В статье выражено несогласие с тем, что укрепление положения дворян и их власти над крестьянами в XVIII в. определялось решающей ролью гвардии в дворцовых переворотах. Книга Миронова стимулирует новые исследования и дискуссии по актуальным вопросам русской истории.

Ключевые слова: Российская империя; модернизация; колонизация; экспансия; крепостное право; русская гвардия; освобождение крестьян; «просвещенная» бюрократия; историография; геополитика.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: smirnov195503@yandex.ru (Ю.Н. Смирнов)